

СТОРОЖЕВОЙ ПОЛК КНЯЖИЙ СУД

**ПОПАДАНЕЦ
В ДРЕВНЮЮ РУСЬ**

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

Юрий Корчевский

Сторожевой полк. Княжий суд

«Феникс»

2016

Корчевский Ю. Г.

Сторожевой полк. Княжий суд / Ю. Г. Корчевский — «Феникс»,
2016

ISBN 978-5-222-39149-5

Кульминация военно-фантастического цикла о нашем современнике, заброшенном в Московское Царство. Наш человек на службе у отца Ивана Грозного. Пожалованный за победы и подвиги княжеским званием, «попаданец» становится воеводой пограничной Коломны. Ему надлежит строить здесь каменную крепость и обучать ратников огневому бою. Ему вершить княжий суд над заговорщиками, поджигателями и чернокнижниками. Ему отражать татарское нашествие и вести в бой элитный Сторожевой полк.

ISBN 978-5-222-39149-5

© Корчевский Ю. Г., 2016

© Феникс, 2016

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Юрий Корчевский

Сторожевой полк. Княжий суд

© Корчевский Ю.Г., 2016

© ООО «Издательство «Яуза», 2016

© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

*Счастье помогает смелым.
Вергилий, римский поэт. Энеида*

Глава 1

Пировать – это, конечно, здорово. Отвлекает от насущных дел, но все пиры когда-нибудь да заканчиваются, и наступают будни.

Встал рано – не спалось. Поднялся в свою комнату. Через окно проходил свет зашедшей утренней зари, который окрасил стены в алый цвет. Неестественно огромный диск солнца вполтину всплыл над горизонтом, подернутым легкой дымкой, – день обещал быть погожим. В такие минуты на светило можно смотреть не мигая, открытыми глазами – для глаз полезно, да и мысли в порядок приводит.

Нравились мне эти недолгие мгновения утром, они позволяли сосредоточиться на главном – его не заслоняла второстепенная мишура.

А поразмышлять мне было о чем. За несколько лет, что я в этом времени, в полной мере пришлось испытать превратности судьбы. Приходилось побывать в шкуре изгоя, преследуемого людьми князя Телепнева-Оболенского – тогда смерть в затылок дышала. Кто бы мог подумать – и это после того, как я спас московского князя от верной гибели! Давно ли то было? И вот теперь милостью государя – сам князь!

Вспомнилось предсказание «Книги судеб», найденной под развалинами дома князя Лосевского, убитого собственным сыном. Похоже, действительно книга пророческая. Как там сказано: «...будет за заслуги... жалован княжеским званием, но ненадолго».

Последнее слово меня озадачило. Кто, когда прервет княжение? Однако в голову ничего стоящего так и не пришло. «Поживем – увидим. Если случится что, княжение подхватит сын Василий. Титул-то наследственный!»

Солнце уверенно взбиралось по небосводу. Вдали послышался колокольный перезвон, разорвавший утреннюю тишину: церковь Воскресения собирала паству на заутреню. Дом уже проснулся – домочадцы и слуги включались в круговерть будничных хлопот. И меня ждали дела. Княжеские...

Дворяне подчеркнуто почтительно обращались ко мне «князь». Первое время льстило, иногда удивляло с непривычки, даже оглядывался посмотреть, где тут князь. Потом привык, воспринимая как должное, что при встрече с вологодскими боярами те первые шапки ломали да кланялись. А ведь они – родовые дворяне, бояре с рождения; я начинал в ополчении помещиком еще неопытным воеводой, когда они уже сотни в сечу водили. Думаю, завидовали, но внешне это никак не проявлялось. Да бог с ним, с чинопочитанием. Не до того сейчас мне – закрутился в делах. И то сказать – то походы, то приключения, хозяйством и заняться некогда.

Я несколько дней пропадал в вотчине: без хозяина на земле никак. Хоть и управляющие были толковые – что Андрей, что сын его, а все же и свой пригляд нужен. Да и деньги теперь потребуются немалые. Льготный год, на который государь освободил меня от налогов в казну, закончился.

Занимаясь повседневными делами в Вологде и Смоленнове, я с жадностью ловил новости с порубежья. Мне было важно знать, как станут развиваться события после нашей победы под Великими Луками. Готовит ли Сигизмунд ответный удар, будет ли искать союза с Крымом против России? Вопросы для меня не праздные. Если польский король пойдет войной, государь снова призовет меня в войско, и мне будет не до Смоленникова, и тем более – не до подъема деревень в моем уделе под Коломной. Могу ли я расслабиться и продолжить многочисленные дела, прерванные войной?

Конечно же, наш государь не станет ждать у моря погоды, а будет выстраивать отношения с соседями, искать союзников, исходя из своих, державных интересов. Мне важно было как-то ориентироваться в большой политике, чтобы определиться, где приложить свои усилия в этом году – здесь или под Коломной?

Раздумывая на досуге об этом, я старался вспомнить историю этого непростого периода. Великий князь московский Василий Иоаннович продолжил дело отца – всеми силами стремился расширить свое влияние на земли, окружающие Московию, и распространить свою власть на Псков, Смоленск, Рязань, Казань, Астрахань... Историки назовут это «собираанием» земель в единое государство. Естественно, проходило объединение с помощью войск и немалой кровью – таковы времена. А в войнах не обойтись без союзников.

Отец Василия III, Иван III, во главу угла ставил задачу ослабить Золотую Орду. Союзником и другом государя был тогда крымский хан Менгли-Гирей: интересы Москвы и Тавриды совпадали. Но вот позади поход русского войска и отрядов казанского хана Мухаммед-Эмина в Дикое Поле, в помощь Менгли-Гирею – против ханов Орды. Орда разгромлена и распалась на осколки – небольшие ханства. Кому они достанутся?

Теперь, когда могущество Орды увяло, недавний союзник, крымский хан, сам мечтает владеть Астраханью и Казанью: «собрать земли правоверных» и возродить «царство Батыея» под своей рукой. Такого Василий III допустить не мог. «Значит, – думал я, – судьбу Поволжья и прикаспийских земель решит сила оружия, и мне надо быть готовым к походу». Но когда?

Прошла весна, наступило лето. Оставив на время дела, я отправился в Москву, к Кучецкому. То, что поведал мне Федор, удивило и насторожило меня одновременно. Оказывается, ноне мы и крымцы – в друзьях! Хан Магмет-Гирей предложил Василию III союз против Литвы и направил отряды свои громить войско нашего врага – гетмана Константина Острожского, демонстрируя дружеское отношение к Москве! Глядя на побратима, я видел – и Федора такие отношения коробят, он морщился, стараясь скрыть досаду, однако политика – дело особое!

Еще Федор сказал, что Сигизмунд изумлен нападением хана, которого дотоле считал своим союзником. Теперь же хан с торжеством разбойника опустошал королевство. Наемники – немцы и богемские славяне – после поражения под Опочкой с досадой покидали войско польского короля. По Литве толпами скитались беженцы из сожженных крымцами деревень.

Я вернулся в Вологду. Вскоре и сюда дошли новые вести – русские полки вступили на земли княжества Литовского! Со дня на день я ждал вызова к наместнику Плещееву. Однако – обошлось. Государь пошел воевать Литву с дружинами из ближних городов.

Я продолжал дела в Вологде, снова отложив поездку на Оку.

Так шло время в ожидании развязки.

Меж тем Плещеев сообщил, что дружины смоленского князя Василия Шуйского, псковского князя Горбатого, стародубского князя Курбского дошли до самой Вильны. Другая рать – московских воевод Василия Годунова, князя Елецкого, Засекина – штурмует Витебск и Полоцк. В походе на Литву третья рать – под началом царевича Феодора. Дружины вологодских бояр пока не собирали, но все может быть. Я жил в ожидании вызова к наместнику, безвыездно.

«Так кто же для нас Магмет-Гирей? Друг и союзник или хитрый противник?» – недоумевал я. Ослепленный успехами, Василий Иоаннович склонился к первому и заключил-таки договор с кровожадным ханом. Дорого заплатит Русь за близорукость государя! Доказав Сигизмунду, что призрачный союз варваров хуже явной вражды, Магмет-Гирей то же докажет и Василию. Но еще два года будет накапливать силы для жестокого удара, до поры скрываясь под личиной друга.

На следующий год Сигизмунд не выдержал. Видя бедственное положение державы, опустошаемой войной и язвой, он умоляет Василия III о перемирии, заодно задабривая щедрыми дарами злодея Магмет-Гирея.

Ну что же, теперь можно и на Оку ехать – на новые земли, коими государь одарил. Тягло большое, земель много, новых воинов искать теперь нужно, дружину свою увеличивать. К тому же не думаю, что хозяйство мое под Коломной в порядке: на землях сих хозяина долго не было. Вернее, как я успел уже узнать, был пять лет назад боярин там, да в сече сгинул. За неимением

детей земли те государю отошли. И какой там пригляд без хозяина был, я догадывался: с голоду крестьяне не мрут – уже хорошо, лишь бы налоги в казну платили.

А на днях случай произошел – сколь странный, столь и удивительный. Дело было так. После пира дал я своим холопам три дня отдыха: родню посетить, по девкам пройтись. И все бы ничего, но после такого отдыха – дня через два – приходит ко мне Федька-заноза. Мнется, вид какой-то странноватый, вроде испуган чем.

– Ну, Федор, говори смелее, – старался успокоить я своего десятника. – Ты же не из робких, на татар в атаку ходил, а сейчас – как девица красная. Говори, что натворил? Так и быть, строго не накажу, добрый я нынче.

– Да не натворил я ничего, княже.

– Тогда что тебя так встревожило?

– Тут такое случилось, княже...

И Федька, с трудом подбирая слова и сбиваясь, начал рассказывать о происшествии в Смолянинове, лишившем бывалого воина покоя.

– Поскольку ты, княже, отдых дал, я с Артемием, что из нового десятка, в Смоляниново подался. Артемий – к кружевнице, она его еще в плену татарском приворожила, а я с ним на пару.

– Ой, не темни, Федор, – к кому?

– Да к Глаше. Вдовая она, вот я ее и приметил.

Я заметил смятение парня, поддержал:

– Давай уж сказывай, может, и не так страшно все.

Федька передернул плечами, набрал воздуха и выпалил:

– Ну, днем погуляли – молодые же, сам понимаешь, умаялись. Тут и вечер подступил, спать пора. Глаша – та быстро заснула, а мне все сон нейдет. Уж ночь на середину, а я ворочаюсь на полатах, про жизнь сумлеваю. Наконец, сморило меня – заснул. И привиделся мне сон, да как наяву.

Федор замолчал, – может, с духом собирался, а может, соображал: говорить или не надо?

– Помнишь того мертвеца в подземелье, с ножом в спине?

– Это ты про прежнего владельца? Как его, дай бог памяти, князя Лосевского, что ли?

– Он! Как есть – тот самый мертвец, в лохмотьях! Руки ко мне костлявые тянет, стонет: «Схороните меня, без этого душа не упокоится!» Поверишь ли, весь сон как рукой сняло! Проснулся в холодном поту, а сердце колотится в груди, как после бега долгого, и вдохнуть не могу – воздуха не хватает. Смотрю – Глаша спокойно спит, из оконца в избе свет лунный дорожкой на полу хаты лежит. Вдруг – представляешь? – слышу, будто что-то скрипнуло под оконцем. Я встал и, как был, подошел глянуть – чего там? Тут на луну туча набежала, потемнело враз – не видно сквозь пузырь ничего, в трубе ветер завыл... А скрип – батюшки мои! – у двери уже. Прислушался – пес Глашкин скулит во дворе. Я креститься начал. Жуть... Так до утра глаз и не сомкнул.

У Федьки стучали зубы, он замолчал, переводя дыхание. Мне, конечно, приходилось слышать подобные истории, но они не касались меня, потому и не относился к ним всерьез.

– Ну-ну, успокойся, Федор. Приснился тебе кошмар, так то все пьянство твое!

– Какое, княже! – запротестовал Федор. – Я сперва тоже так думал. Утром на Глашу смотрю – хлопчет, как обычно, ну и успокоился как-то. Да только ненадолго. Ночью опять он мне во сне явился, снова руки тянет ко мне, пальцем костлявым за околицу указывает, где, значит, колодец тот заброшенный. Проснулся я, барин, посреди ночи, ни жив ни мертв – едва утра дождался. Ну и деру дал, в Вологду – тебе обсказать. Вот те крест – так все и было. И боюсь мертвяка до ужаса, до дрожи в коленях. Ничего так раньше не боялся. Ратникам своим сказать не могу – засмеют, а хуже того – подумают, что разум потерял. Вот и пришел к тебе. Ведь ты-то сам его видел: сидит в лохмотьях, а у самого нож в спине.

– Стиллет, – механически поправил я.

– Вот-вот, оно самое. Что делать-то будем – неспроста энто... Никак душа князя убиенного маяться будет, пока не упокоим. Может, похороним? – Он глянул на меня с надеждой.

– Федор, дела у меня сегодня, а завтра подумаю.

– На тебя одна надежда, княже. Спать он мне не даст. Жить уж спокойно не могу, а у Глаши и появиться страшно теперь.

Федор ушел. Я силенка припомнить, есть ли на скелете веревочка или цепочка с крестом. Ежели крещеный, то и священник отпоет, и душа упокоится. А если нет? Вдруг он католик? Где мне тогда католического священника искать? Вот задал Федька задачу. И не отмахнуться – Федька меня выручал часто, да и десятник он неплохой.

А узнаю-ка я у привидения. Что-то давно я с ним не общался.

Я поднялся к себе в кабинет, заперся, достал старый манускрипт. Начал читать заклинания. Появилось знакомое облако, а в нем – лицо привидения.

– Ну, здравствуй, князь!

– Откуда знаешь? Я не говорил.

– А зачем мне говорить? Знаю – и все.

– Князь Лосевский, чей скелет в подземелье, был христианином?

– Был, так и крестик на нем висит.

– Не смотрел я, да и темно там. Не очень-то веселое место.

– А чего ты вдруг заинтересовался?

– К холопу моему являться стал, похоронить просит.

– Ай-яй-яй! Неуж без просьбы сами не додумались? Со священником отпойте убиенного да похороните. Оружие его заberi, очень занятная штука – колишемард называется. Тебе оно пригодится. На Руси про него еще два века не узнают.

– Что-нибудь еще скажешь?

– С потомками Лосевского тебе вскоре встретиться придется. Вацлав, внук князя в седьмом поколении, здесь появится. «Книга судеб» его интересуеt.

– Как я его узнаю?

– Узнаешь. Берегись его. Он черной магией владеет. Чародей он слабый, поскольку умом ленив, но мелкие пакости устроить может.

– Это какие?

Но вопрос мой остался без ответа. Привидение стало бледнеть, облачко – рассеиваться, и все исчезло. Вот так всегда: скажет немного, да и исчезает в самый интересный момент.

Утром я вызвал Федора.

– Вот что, Федор. Решил я – и в самом деле князя Лосевского схоронить надо. Православный он. Только о деле сем никому ни слова. Прознает кто – расспросы начнутся, откуда покойник. Ты и я! Понял?

– Как не понять. Только ведь гроб нужен и подвода еще. А отпевать где?

– Подводу в Смолянинове возьмем, там же и плотник есть – гроб сколотит. И в церкви местной отпоет священник, а кладбище рядом.

– Когда едем?

– А прямо сейчас. Веревки только возьми покрепче да факелы или светильники.

– Боюсь я что-то, княже.

– И мне не по себе, но, думаю, обойдется все, дело то богоугодное, должна наконец душа христианская покой обрести.

Федор ушел седлать лошадей. Вскоре мы с ним уже скакали по дороге. Добрались до Смолянинова. Федор убежал к плотнику – сказать, чтобы гроб сделал и крест. Я же с Андреем, управляющим имения, хозяйство объехал.

Через полдня меня нашел Федька:

– Готово все, княже!

Мы выехали к развалинам бывшей княжеской усадьбы.

Федор трясся на подводе с лежащим на ней гробом, прикрытым рогожей и подпрыгивающим на ухабах, и небольшим крестом с перекладиной наискосок. Он все косился на выглядывающую из-под рогожи крышку гроба, стуча зубами. Я ехал рядом на лошади, поглядывая по сторонам.

Добрались быстро, благо было недалеко.

Федор отодвинул бревенчатый щит и отпрянул – из черноты подземелья потянуло холодом. Я сбросил веревки. Федор мялся.

– Ты чего?

– Можно, я после тебя?

Я засмеялся:

– Вот уж не думал, что ты мертвяков боишься.

Федор вздохнул обреченно и перекрестился, бормоча молитву.

Мы спустились вниз. Сверху упал ком земли. Зубы Федора снова начали выдавать чечетку.

По переходам мы добрались до мрачного помещения, где так и сидел скелет в ветхих одеждах.

Я попытался вытащить стилет из спины. Не тут-то было. Скелет начал заваливаться назад, я едва успел придержать его за плечо. Федор, увидев качнувшуюся мумию с пустыми глазными впадинами и задранной бородой, побелел и отвернулся. Мне пришлось приложить усилия – грани клинка застряли между ребер.

Стилет я сунул за пояс, скорее по привычке. С пояса скелета отстегнул ножны со шпагой и прицепил на свой пояс. Лезть с оружием по узким переходам неудобно, но возвращаться сюда еще раз не хотелось.

Мы завернули скелет в холстину, что предусмотрительно взял с собой Федька. Потасили к выходу. Скелет был легкий, но нести его было неудобно.

В колодце Федор выбрался наружу, я обвязал сверток веревкой, и Федька вытянул его наверх.

Затем я выбрался и сам. Не медля, мы опустили останки князя в гроб и накрыли крышкой.

– Княже, я лучше пешком пойду, лошадь под уздцы поведу.

– Федор, ты чего? Он в гробу уже!

– Вот когда его священник отпоет, да он в могиле упокоится, тогда и страхи мои пройдут.

– Ну, как хочешь.

Федор пошел по дороге, ведя лошадь с подводой, я ехал следом.

От нечего делать я вытащил из-за пояса стилет. Интересно, стилет находился в подземелье пару веков, а не поржавел даже. И чего с ним делать? Зачем я его с собой взял? По привычке, наверное, не могу оружие бросать. Хотя вот – и призрак советовал его себе оставить.

А стилет-то непростой: лезвие четырехгранное, в полторы ладони длиной, рукоять рифленая, довольно удобно в руке лежит. Навершие рукояти – с гранями.

Я механически повернул грань навершия рукояти, и оно поддалось. Занятно! Я стал крутить его дальше. Навершие отделилось и оказалось у меня на ладони. Для чего тут полая рукоятка? Я потряс ручку, заглянул внутрь. По-моему, там что-то белеет. Вытащить это «что-то» пальцем мне не удалось, и я решил заняться стилетом дома.

Наконец мы добрались до сельской церкви. А уж в храм гроб занесли холопы. Негоже князю самому этим заниматься, да еще на виду у деревни, достоинство княжеское блюсти надо.

Отпели, похоронили. Оказывается, Федор, пока плотник гроб делал, успел с холопами и могилу вырыть.

Вкопали деревянный крест, да вот только на кресте том, кроме фамилии, ничего и не было: ни инициалов, ни года рождения, ни даты смерти – просто: «Раб Божий Лосевский».

Назад в город Федор ехал довольный.

– Исполнили волю усопшего, глядишь, отвяжется теперь призрак, во снах являться не будет.

И в самом деле, после похорон минуло три дня и три ночи, и Федор спал спокойно, никто во снах не являлся.

Ну вот, одной проблемой меньше стало. Теперь поеду-ка я в Подмоскovie. Надо же землю да деревни, даренные государем, посмотреть.

Предполагая, что забот, времени и, главное, денег подарок государя отнимет немерено, я решил взять с собой Андрея. Все-таки давно на хозяйстве, глаз уже набит. Пусть проведет своего рода «ревизию» – что с полями, какие люди есть и, значит, – какие ремесла развивать надо.

Втуне я надеялся переманить его на новые земли, поскольку Андрей оказался человеком на своем месте и с головой, разворотливым, рачительным и, что очень важно, честным.

Но это позже, а пока я сидел у себя в кабинете и осматривал оружие, которым убили князя.

Я открутил наверх стилета, засунул в отверстие тонкую палочку и выудил небольшой клочок китайской рисовой бумаги. Там было всего несколько слов на латыни, из которых я понял только одно-единственное – «lupus», что в переводе означает «волк». Но сколько я ни силился вспомнить другие слова, ничего не получалось. В принципе не проблема узнать, надо только съездить к Савве, он многим языкам учен: латыни, греческому в том числе – переведет. Тем более, есть повод съездить в монастырь – не посещал давно настоятеля. Может, что дельное и подскажет.

Потом я взялся за колишмард, что отстегнул с пояса убитого Лосевского. Название оружия я слышал впервые.

Взявшись за рукоять, я вытащил клинок из ножен. Староваты ножны, кожа на них расхлахла надо к оружейнику сходить, пусть новые сделает. А вот лезвие удивило. Сам клинок прямой, как у шпаги, но необычный. От рукояти лезвие идет обычное, приблизительно до половины длины, а затем становится – причем резко, с образованием тупого угла – значительно уже и тоньше. Занятно, не встречал раньше такого.

Я вышел на середину комнаты и сделал несколько взмахов. Оружие легкое, прекрасно сбалансированное, в руке сидит удобно.

Усевшись в кресло, я задумался: почему лезвие сделано именно таким? Объяснение было одно: толстое лезвие, что шло от рукояти, должно было принимать на себя удары оружия противника, а более тонкий конец – легко проникать в щели жесткого панциря – ну, скажем, на сочленении стального грудного панциря и защиты плеча или шеи. Я повертел лезвие – у самой рукояти полустертая надпись: «orden...» и далее неразборчиво.

Ну да, так я и предполагал: оружие немецкое, любили рыцари с оружием экспериментировать. Только почему-то не прижилось оно. Да и ничего, пусть в коллекции моей будет, в оружейной комнате, чай, каши не просит.

Утром в сопровождении Федора я снова выехал в свою вотчину. Перед выездом сунул стилет за пояс, рядом с ножом в ножнах. Почему так сделал, и сам объяснить не могу, но это обстоятельство оказалось решающим в последующих событиях.

За окраиной Смолянинова показались развалины княжеского дома, где совсем недавно из подземелья вытаскивали бранные останки князя Лосевского.

– Княже, вроде бродит кто-то у развалин.

Мы остановились, развернули коней. Свои, смоляниновские, здесь сроду не показывались, побаивались – разговоры нехорошие про место это ходили издавна.

Кто бы это мог быть?

Подъехали к развалинам, спешили. Никого не видно.

– Федор, ты не ошибся?

– Да нет же, человека видел, мужеска полу.

– Давай посмотрим.

И не успели мы отойти от лошадей на пару шагов, как из-за кустарника вышел молодой – лет двадцати пяти – мужчина. Одет не по-нашему – по-европейски. Плащ с застежкой у горла, большой малиновый берет, штанишки короткие, башмаки с бронзовыми пряжками. В голове как сверкнуло: а ведь вещал призрак про потомка князя Лосевского. Не он ли это?

– Эй! Ты кто?

У незнакомца был странный пронизывающий взгляд.

– Сами кто будете?

Встрял Федор:

– Ты перед князем стоишь, владельцем вотчины, шапку ломай да поклонись!

– Я сам княжеского рода, не пристало мне перед ровней кланяться.

Настал мой черед:

– Так ты не потомок ли князя Лосевского?

– Он самый и есть, Вацлав, князь Лосевский, – слегка наклонил голову незнакомец. Имечко-то польское – из Ливонии? Княжич как будто меня не слышал, побрел мимо нас, глядя себе под ноги.

– Ты не предка ли своего следы ищешь? Так схоронили его днями.

Княжич резко обернулся, сверкнул глазами. Ох, и неприятный у него взгляд!

– Так вы что – нашли тело?

– Скелет уж один остался в ветхом рубище. Но похоронили по-христиански, в церкви отпели. Где могила его, показать?

Вацлав промолчал, думая о своем. Похоже, слова наши его не заинтересовали.

– Значит, уже побывали там? – Он показал взглядом под землю. – А я надеялся...

Княжич пробормотал что-то неразборчиво.

– Чего говоришь-то?

– Ценности, я полагаю, присвоили?

– Все, что на моей земле, мне и принадлежит.

– Да это понятно. Но одну вещь я бы хотел заполучить.

– Какую?

– Фолиант один важный, что в сундучке малом был.

Вмешался Федька – вот неугомонный:

– Так все книги и свитки в Спасо-Прилуцком монастыре, нам они без надобности.

– Молчи, смерд.

Княжич махнул рукой, и Федька замер. Он просто застыл, как изваяние, с поднятой рукой и открытым на полуслове ртом.

– Княжич, ты на моей земле, и, хоть гостя обижать не след, я могу и нарушить обычай предков.

– Ты? – По устам Вацлава прозмеилась улыбка. Он пробормотал несколько слов себе под нос, и вдруг неожиданно из густой травы на меня поползли огромные змеи. Тварей этих я всегда недолюбливал, если не сказать побаивался. Выхватив саблю из ножен, я несколькими взмахами отрубил им головы. И вот что интересно – отрубишь голову, а змея исчезает, вроде ее и не было. Не иначе – химера, обман.

Я подступил к княжичу с саблей:

– Попугать захотелось? Пшел вон с моей земли!

– Мне угрожаешь, червь? – ощерился Вацлав.

Вскипела кровь; я взмахнул саблей, ударив наглеца поперек груди. Сабля перерубила тело. Сзади раздался смешок.

Я резко обернулся. Княжич стоял в трех шагах от меня как ни в чем не бывало.

Я повернул голову – никакого порубленного тела, вообще никого. Он что – неживой? Дух? Или магией так ловко владеет?

– Не пробуй меня убить – не получится!

Но я поймал его тревожный взгляд, брошенный на рукоять стилета. А ведь в ручке-то у него заклинание, что я прочесть не смог. Попробовать, что ли?

Я выхватил стилет и снизу, без замаха, метнул в княжича. Похоже, удар достиг цели, или стилет в самом деле обладал какой-то необычной силой.

Княжич схватился за живот, попытался вытащить стилет, но силы его иссякли, и он упал на спину.

Сбоку раздался вздох, и я дернулся в сторону. Но это Федор отошел от оцепенения.

– Князь, а что произошло? Я ничего не помню.

– Наваждение, Федька. Княжич его навел, магией он владел.

– Княже, ты погляди, что деется! – изумился Федька.

Я повернулся к телу княжича и ахнул. Быстро – на глазах – кожа на его лице и руках стала сморщиваться, глаза впали, – даже одежда стала ветшать, терять цвет, и на ней появились дыры. К своему удивлению, через несколько минут мы увидели перед собой глубокого старика в рубище.

– Ну ни фигя себе! – Федька от избытка чувств не мог подобрать слов.

Я и сам был поражен, столкнувшись с действием магии вплотную.

– Слушай, княже. Старики бают, что нечисть нельзя оставлять на земле – ночью покойник ожить может. Сжечь бы тело надо!

– Тогда хворост собирай да дерево сухое.

Федор отправился за хворостом, благо далеко ходить не надо. Вернулся с охапкой, потом со второй. Притащил небольшое сухое деревце, подрезал ствол ножом, сломал ногой. Мы обложили тело хворостом. Федор надергал мху, поднес огонь.

– Ой, княже, у него же стилет твой, вон – в животе торчит.

– Черт с ним, со стилетом, поджигай.

Я опасался, что вытащи я стилет – и покойник оживет. Не зря, надо полагать, опасался – ведь сабля моя ему вреда не причинила, а удар стилетом смертельным оказался. И все потому, видимо, что заклинание в рукояти лежит. Жалко, что перевести текст не успел, но запомнил его накрепко. Ладно, Савва поможет с переводом.

Понемногу пламя охватило тело. Федор подбрасывал сломанные ветки дерева в слабеющий огонь.

Мы зашли с подветренной стороны – приторный запах жженого мяса был невыносим.

– Федор, неси еще дров, хворост прогорит быстро, а одного деревца не хватит.

В пламени тело Вацлава повело, временами казалось, что он шевелится. «Не дай бог, оживет княжич», – подумал я. Кол бы осиновый ему в грудь вогнать, да осин поблизости нет, верст пять до осиновой рощицы – за Смоляниновом, по дороге к Тучковскому имению Талица.

Федор, едва притащив сухую корягу, бросил ее в огонь и пошел в лес снова, сделал три ходки. Костер бушевал уже всюду.

По-хорошему надо было бы сложить бревна и на них уже положить тело. Но притрагиваться к нему не хотелось обоим: Федор просто боялся животным страхом, я же опасался, не выкинет ли чародей напоследок какой-нибудь фокус – а ну как дух его в тело мое перейдет?

Мы смотрели на огонь, подкидывали в костер ветки.

Наконец пламя стало угасать, лишь угли багрово рдели. От тела остался лишь обугленный череп и кости.

– Все, Федор, поехали, и так много времени потеряли.

Мы взобрались в седла и тронулись в деревню. Всю дорогу молчали, переживая случившееся.

С Андреем уговорился быстро, согласился управляющий новые земли посмотреть, а за себя младшего сына Павла оставлял.

Назавтра решили выехать. Чего конному собираться? Есть и спать можно на постоянных дворах, с собой в переметных суммах – лишь одежда сменная да скудные личные вещи вроде расчески. Самое важное – деньги. Во все времена, имея их, можно было решить почти любую проблему.

Едва рассвело, управляющий Андрей уже был у меня в Вологде. Я посмотрел на его лошаденку – куда на ней в Москву?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.